



АННА
ЛЕДЕНЦОВСКАЯ

Белка
на Метле

Анна Леденцовская

Белка на метле

«Автор»

2026

Леденцовская А.

Белка на метле / А. Леденцовская — «Автор», 2026

Попав в другой мир, Ольга Белкина работала дворником в академии невест, исправно махала метлой и сама в невесты не собиралась. Однако судьба распорядилась иначе, и, когда на очередные смотрины прибыл неучтенный жених, вместо уборочных инструментов ей вручили фату. Только вот замуж выходить Белкина не планирует, а особо настойчивому волку готова выдать лопатой по наглой морде. Однако его это почему-то совсем не отпугивает!

© Леденцовская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Лишний жених	6
Глава 2. Невеста с метлой	10
Глава 3. Тесты невесты	14
Глава 4. Сугроб с начинкой	18
Глава 5. Адские танцы	22
Глава 6. Пыльные мешки жизни	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анна Леденцовская

Белка на метле

Глава

Белкина

Глава 1. Лишний жених

Вжих-вжих, скрр-скрр, вжих-вжих...

— Да сколько можно?! — Из-под одеяла вынырнула голова остроносой темноволосой женщины и сонно-яростным взглядом чуть не испепелила приоткрытое окно. Створка дернулась и с громким стуком закрылась, повинувшись магии раздраженной ведьмы. — Опять! Опять эта Белкина начинает уборку под моими окнами. М-м-м...

Ректор и основатель Магической академии идеальных невест села, подложив под спину подушку, и поежилась. Температура в комнате была как в склепе горных северных королей, но что поделать, мадам Матильда Пшиляковская считала, что спать надо в холоде. Это сохраняет красоту. Окна она не закрывала даже в самые лютые морозы.

— Эау... — Женщина зевнула и пальчиком поманила к себе ручное зеркало с комода. — Рань-то какая, пять утра. И чего не спится этой толстухе? Вот ведь взяла на свою голову работницу-энтузиастку. Что у нас нового, Миль-Тиль? И где опять шастает Павлентий? — обрatisлась она, всматриваясь в свое заспанное отражение.

Зеркальная гладь пошла рябью, и вместо изображения всклокоченной ведьмочки появилось призрачное лицо, словно созданное из переливающегося перламутром стекла.

— Паршиво выглядишь, Мотья, — сварливо прошамкало лицо старушечьим голосом. — Глазки-то как у крысы-перестарка. Хи-хи.

Полюбовавшись перекошенным от злости лицом хозяйки, зеркало захихикало.

— Разобью заразу, — пригрозила Матильда. — Мало мне с утра дворничихи под окнами, еще и ты!

— Ой, да ладно тебе... пф-ф, — фыркнуло стеклянное изображение непонятной бабули. — Зато вон мигом в форму пришла! Тем более новости у меня для тебя есть, и добрыми их не назовешь. Ославят тебя вот-вот на весь свет, и академию твою тоже. Женихов-то не дюжина едет, а тринадцать. Некомплект у нас невест, стало быть, к выпуску. Все! Репутацию после такого позора уже и не спасти.

Вот тут мадам Пшиляковская проснулась окончательно. Новость и правда была отвратнее некуда. До зимнего бала выпускниц оставалось две недели. Ее академия всегда славилась тем, что выпускала идеальных невест, становящихся прекрасными верными женами. Каждый раз благодаря Миль-Тиль и колдовству ректор знала, сколько мужчин пожалуют в академию сватать ее выпускниц, и набирала ровно столько девушек, сколько нужно. Отбор проводился строгий. Необходимые требования: сирота, миловидная девственница, согласная подписать контракт. Поскольку выбор был за мужчинами, то всякие слезы и сопли несогласных выйти «вон за того, а не за этого» Матильде были не нужны. Домоводство, рукоделие, воспитание детей, умение поддерживать интересную беседу на любую тему в комплиментарном для собеседника ключе — все это оставалось основой основ обучения. Еще одной чисто ведьминской штучкой были различные зелья и отвары, подливаемые воспитанницам в еду. Благодаря им девушки расцветали и хорошели, при этом становясь покладистыми, расчетливыми и условно покорными. «Условно» — потому что специальный состав активировался в крови лишь при венчании, делая новоиспеченную жену идеально послушной и удобной только для своего мужа. Как побочный эффект дамочки частенько отрывались на окружающих с более низким статусом и прислуге. Однако кого из женихов, ищущих не слияние родов, а отсутствие тещи и другой родни, а также гарантированную страховку от рогов, это волновало?

До сих пор все шло гладко, и вот прямо перед выпуском такое!

— Где Павлентий? Найди и вели тащить сюда его пушистую откормленную задницу! Сколько ни держу на диете, этот прожорливый комок меха все равно умудряется вечно что-то

жевать. И ведь наши девчонки точно его не кормят, им, во-первых, и самим мало. — Ведьма усмехнулась, помня, как лично составляла подходящий рацион. — А во-вторых, магия зелий не даст. Фамильяр не может принять еду из рук мага или опоенного человека, зачарованного магией.

— Учиться тебе и учиться, праправнучка. Хи-хи, — опять развеселилась бабуся из зеркала. — Нешто не догадываешься, кто твоего паршивца потчует? А? Жалеет бедняжку... хи-хи...

Веселья зеркальной прародительницы Матильда не разделяла, но и думать над ее намерениями желания не было. Сейчас требовалось срочно что-то решать с лишним женихом. И кстати...

— А кто у нас там жених-то, тринадцатый? — поинтересовалась она, пытаясь припомнить всех подходящих холостяков ближайших королевств. — Вроде никто внезапно не вдовел в соседних землях?

У входа заскреблись коготки, и ведьма магией открыла дверь наконец-то объявившемуся фамильяру — рыжей пушистой белке, носящей имя Павлентий.

Зверюга запыхалась, но притворялась беззаботной и заспанной, а еще за щекой у фамильяра явно что-то торчало. Чья-то подачка, которую он еще не успел съесть.

Настроения мадам Пшиляковской это не улучшило, и она моментально напустилась на питомца:

— Явился?! И где тебя носило? У нас тут катастрофа, а ты по городским помойкам побираться, как крыса подзаборная?

— Я?! По помойкам? Да меня угости... — Поняв, что проговорился, запаниковавший перед угрозой неизбежного наказания бельчонок попытался втиснуться за шкаф, но откормленный тыл помешал туда ввинтиться. Теперь между стеной с обоями и стенкой того самого шкафа торчал беззащитный пушистый зад с мотающимся роскошным хвостом, а страдалец в западне жалобно верещал.

Ведьма не была бы собой, если бы с мстительной миной не подпалила хвост этому рыжему предателю, посмевавшему взять что-то из чужих рук, и вытаскивать животину не стала, зная, что белка и так все слышит.

«Пусть повисит для острастки», — решила она про себя, любясь созданными магией проплешинами в густом мехе.

— Так что там за жених? Ответишь ты наконец или нет? И откуда он взялся? — постучала она по одеялу все еще веселящимся зеркалом.

— Откуда, откуда, — буркнула насупившаяся стеклянная старушенция. — Так из лесу. Оборотень он. Вот и весь сказ. Овдовел и решил жениться.

— Не может быть! — тут же вспылила ректор. — Не может оборотень вот так решить, там не так все устроено. У них пары не со своими просто так не сложишь. Да и со своими тоже. Это кто же решился-то? Глупость какая. Ему мы и отказать можем на этом основании. И никакого урона нашей репутации. Только настроение зря с утра испортило и нервы мне накрутило, стекло бестолковое.

Матильда уже почти выключила зеркало, чуя, как оно тянет из нее силу все сильнее и сильнее, когда следующая фраза заставила ее передумать:

— Не можешь ты ему отказать, Мотька. Это сам властитель Темнолесья, князь Серой стаи, Войтомир Клыкастый. И едет он потому, что какая-то зараза ему напроорочила-нагадала, что пара его в твоём заведении обретается. А еще у него сын, наследничек, болеет. Почти при смерти лежит. Так что не обессудь. Жди князюшку и думай, где невесту искать. Кому-то точно девка не достанется, и беда будет.

Чувствуя слабость от такого долгого сеанса магической связи с зеркалом, Матильда больше ничего спрашивать не рискнула. Отключила артефакт и, выдернув из-за шкафа Павлентия, потребовала что-нибудь придумать.

— Где? Где нам взять миловидную девственницу с уже готовыми умениями хозяйничать и спокойным характером? А? Думай быстрее, две недели осталось. Или тебе головенка нужна, только чтобы еду запихивать? — заистерила она, предчувствуя неминуемую катастрофу.

— А если этот Клыкастый не найдет себе ту самую, сам не захочет? Тогда мы не виноваты, — резонно заметил Павлентий, с грустью теребя оплешивевший хвост. — Пусть тогда винит того, кто ему все наболтал. Наше дело сторона.

Мысль была хорошая, но существовало одно но.

— Невест должно быть по числу женихов! Откажутся — их проблемы, это и правда нам не сильно повредит. А вот то, что у нас некомплект к выпуску, это очень, очень плохо!

— Я это... — Глазки белки воровато забежали, и Павлентий съежился в комок, предчувствуя грозу и размышляя, стоит ли делиться с хозяйкой своей бредовой идеей.

— Да не трону, говори уже, — посоветовала мрачная, как грозовая туча, Матильда, вставая с кровати и накидывая на тонкую батистовую сорочку с нежнейшим кружевом тяжелый кроваво-алый шелковый халат. — Есть кто на примете? Неужто подходящая девственница-сирота прошла мимо моего внимания?

В ее голосе прозвучала насмешка. Все подобные особы, которые хоть как-то могли пригодиться, были у нее на строгом учете. Мадам не только присматривала за возможными кандидатами на поступление в следующие годы, но и старалась уберечь их от лишнего мужского внимания во избежание порчи нужного ей товара.

— Ну-у-у... я про дворничиху нашу. Она все умеет, магии нет, сирота опять же по нашим меркам, и это самое... тоже при ней. — Павлентий, смутившись, зарылся в скомканное одеяло.

— Так вот кто тебя, толстозадого, кормит! Вот ведь... — Ректор подошла к окну и прищурилась, рассматривая новым взглядом крупную женскую фигуру в распахнутом тулупчике и со сбившейся на затылок нелепой шапкой. — И правда странно — в ее-то возрасте сохранить невинность. Хотя при ее внешности...

Будучи стройной, как пресловутая газель, мадам считала за правило, что все красивые девушки должны быть изящными, чтобы сразу становилось понятно: эта крошка не обьест казну мужа, покупая мешками дорожные сладости.

Ольга Белкина в ее понятие красоты не вписывалась совершенно. Крупная, с выдающимися формами, румяная, буквально пышущая жаром и энергией, дворничиха была, как говорят, на любителя. Почему в той жизни, до попадания на работу в академию, к ее тридцати трем годам любитель не нашелся, ведьма не знала, да и выяснять не сильно хотела. Так же как и думать, подойдет эта девка с метлой кому-нибудь из женихов или нет.

— Про возраст у нас в контракте что-нибудь есть? — поинтересовалась мадам у фамильяра, задумчиво смотря, как Белкина старательно обметает мраморные вензеля скульптурного украшения возле садовой скамьи.

— Нет ничего. Приписка мелкая есть, чтобы не старуха, то бишь родить могла. И все. Но у нас всегда молоденькие были, — поняв, что почти прощен, подобострастно закивал фамильяр, делясь бесчисленными сведениями, хранящимися в его памяти. Все, что когда-либо знала ведьма, неизменно им запоминалось и по просьбе хозяйки тут же выуживалось из головы.

— Ну, делать нечего. Надеюсь, обтешем за пару недель до приемлемого уровня. Иди зови ко мне в кабинет и не вздумай испортить разговор. Чтобы подыгрывал, что бы я ни сказала! Ясно? И учти: уговорим — дам тебе мазь, чтобы шерсть быстрее выросла. За ночь. Понял?

Павлентий закивал и запрыгал к двери, размышляя, что бы такое сказать, чтобы Ольга не отказалась.

«Пожалуй, правду. Ну, сокру где-то, конечно, но на пользу», — решил он, гигантским прыжком преодолевая лестничный пролет, ведущий на первый этаж.

Штатный дворник академии Ольга Белкина, упрямая от работы, как раз остановилась передохнуть, любуясь снежком и красивыми линиями вычищенной уже территории. Женщиной она была оптимистичной, жизнерадостной, работала на совесть и о том, что судьба заготовила ей пару киллограмчиков лимонов, даже не подозревала.

Рыжий ком на светлом она заметила сразу, а вопль Павлентия «Олька, к тебе жених едет!» и вовсе разлетелся эхом по двору, приложив ее эффектом пыльного мешка.

Метла выпала из рук, и на Белкину накатили липко неприятные воспоминания.

Глава 2. Невеста с метлой

— Олечка, Осечка, миленькая, — Павлентий прыгал вокруг хмурой женщины упругим мячиком, умоляюще сложив лапки, — она ж меня совсем лысым сделает. Ну приедут женихи, так, может, никто тебя и не выберет. Тогда сами виноваты. Ты хоть поговори с мадам-то нашей. Велела привести. Ну не бывают белки лысыми, и вообще, зима на дворе. А?

— А невесты с метлой и лопатой бывают?

Белкина в сердцах очень хотела наподдать по мечущемуся меховому комку, понимая, кто разболтал ректорше ее тайны, но фамильяра, которому и так часто, хоть и справедливо доставалось от гневавшейся хозяйки, было жаль. Существом болтливый толстый Павлентий был очаровательным, он скрашивал Ольгино одиночество, когда становилось совсем невмоготу в этом чужом ей мире. Он же Белкиной и с работой тогда помог, что Ольга тоже помнила и ценила.

— Ладно, пошли. Поговорю я с ней, не верещи. — Дворничиха пристроила снегоуборочный инвентарь у статуи и неторопливо, обдумывая сложившуюся ситуацию, пошла к крыльцу.

Память, словно издеваясь, подкинула образ пьяненького отца, забежавшего к ней в комнату с радостными воплями «Ольга, жених едет!». Сосватал он ее, тогда еще двадцатилетнюю девчонку, за своего приятеля. Мужик под пятый десяток, схоронив жену и имея крепкое хозяйство, хотел себе молоденькую и порядочную. А что его дети — ровесники практически проданной папашей за выпивку невесте, ему было плевать. Тетка в сельсовете, получив от старшего Белкина Ольгин паспорт, за мзду поставила штамп без присутствия невесты, и теперь девушку собирался забрать так называемый муж.

Тогда избежать позора Белкиной удалось чудом. Гордый отец тыкал штампом ей в лицо, а потом, кинув документ на стол, ушел встречать гостей со словами: «Спасибо папке хоть бы сказала. Тьфу. Дева старая. Всех в селе отбрила, дура. А их и так раз-два — и кончились». Прихватив паспорт со штампом, Ольга тогда рванула через дверку, ведущую в хлев, оттуда на огород и, радуясь, что скопила денег на еще функционирующей, доживающей последние дни ферме, хоть совхоз давно развалился, укатила в город.

Спать тогда пришлось на вокзале. Как и не боялась. Денег было мало. Работы без жилья и вовсе не находилось. Повезло ей чудом. Услыхала разговор каких-то судачивших на лавке кумушек, что Петрович из шестьдесят седьмой квартиры все себе никак сиделку не найдет. Характер у неходячего деда суровый, а из собеса присылают скандальных ленивых теток. Нанимать в агентстве он не желает, говоря, что государство должно обеспечить. Хотя денежки у старика водятся. Сынок же и вовсе у папаши не появляется, но за наследством наверняка прибежит.

Набравшись наглости, Ольга шмыгнула в подъезд. Открывший ей дверь пожилой мужчина в инвалидной коляске молча смерил ее взглядом, чуть вздернув бровь, задержался на потертом чемоданчике и, усмехнувшись, откатился назад, освобождая проход.

— Ну заходите, девушка. Мне даже любопытно стало. Вы же явно не из собеса? Беременные от моего Аркадия и пришли просить его усювестить? Или денег?

Голодная и уставшая скитаться Ольга помотала головой и честно пересказала разговор бабок у подъезда.

— Я подумала, может, вам нужна постоянная сиделка? Или домработница? Я все умею, и платить мне не надо.

— Платить не надо? Надо же... — недоверчиво прищурился старик. — Квартиру чтоб отписал, небось, желаешь? Договор ренты? Так у меня завещание написано, и не одинокий я,

сынок за жилплощадь после моей смерти явится и судиться, если что, будет. Поищи, милая, другого старого пентюха.

Белкина торопливо, стараясь не обижаться на несправедливые слова и понимая, что выглядит дура душой, достала паспорт и сбивчиво, тыча Петровичу в руки документ, объяснила свою ситуацию.

— Я, если что, и работу найду. Мне бы угол какой. Я... — в отчаянии закончила она свою речь, которую седой инвалид ни разу не перебил. Документ он пристально изучил, почесывая подбородок. Особенно штамп о браке в паспорте, датированный позавчерашним числом.

— Хм... — Мужчина извлек из кармана трубку телефона и потыкал в кнопки. — Владислав Иванович, Демичев беспокоит. Пробей-ка мне по дружбе по своим каналам одну девушку. Только аккуратно, чтоб никто не заинтересовался. Нет, пока не надо. Нет, не Аркадий... Спасибо, жду.

— Ну проходи пока, что ли, — обратился он к незваной гостье. — Чемоданчик тут поставь, разувайся. Вон тапочки гостевые надень и на кухню ступай. Если все правда, то рискованная ты девушка, Ольга Валерьевна Белкина, и, прости старика, дурочка. Нехороших людей в городе полно, да и я могу быть... хм... Ну да ладно.

— О вас те бабушки на лавочке очень уважительно отзывались, — присаживаясь на край табуретки, робко пролепетала, оправдываясь, Ольга.

— Так о многих преступниках близкие и знакомые отзываются хорошо. Сволочи — они же как звери, инстинктивно у своей норы не гадают. Репутацию блюдут. Так-то, — парировал старик, катаясь за ней. На кухне, в отличие от тесного коридорчика, было светло, и девушка смогла хорошо рассмотреть дедулю.

Когда-то раньше старик, наверное, был крепким мужчиной, и выправка у него была как у военного. Одет аккуратно, борода пострижена, и вообще в доме у пенсионера везде, где Ольга видела, царил порядок.

Так они друг друга и рассматривали, пока не зазвонил телефон.

Молча выслушав собеседника на том конце провода, Петрович поблагодарил и, прервав соединение, прихлопнул по столу рукой.

— Да уж, история. Ищут тебя. Муж ищет. Заявление подали, он и отец твой. Что делать собираешься? — поинтересовался старик у Ольги.

— Не муж он мне. Разведусь, как только узнаю как. И к отцу не вернусь, предателю, — решительно насупила в ответ девушка. — Вы же все выяснили, да? Возьмете в работницы?

— А знаешь, возьму! Но... — пенсионер испытующе посмотрел на скромно одетую Белкину, сжавшуюся в углу на табуретке, и отдал ей паспорт, — человек я военный, требовательный. Лодырей не терплю, нытиков не уважаю. Опять же, если работать будешь на совесть, то помогу чем смогу. Пока скажу всем, что племянница двоюродная пожить приехала. Скажем, в техникум поступать, но не поступила. По просьбе родни приютил за помощь по дому. Пойдет?

— Конечно, — закивала Белкина. — А как мне вас тогда звать-то?

— Зовут меня Виктор Петрович Демичев, можешь звать дядя Витя. Скоро сюда милиция нагрянет. Ты не пугайся. Напишешь заявление, что ушла по собственной воле и возвращаться не планируешь. Чтобы дело закрыли. Ты совершеннолетняя. С разводом так просто не выйдет. Что без тебя штамп поставили не спросаясь — доказать сложно. Тут думать надо, не силен я в таких вопросах.

— Так ведь у нас с этим... не было, ну... — покраснела Оля. — Не муж он, и все.

— Ага, — сообразил Виктор Петрович, с уважением посмотрев на необычную для современных реалий девушку. — Тогда можно аннулировать, только к врачу сходить придется.

Белкина нравилась ему все больше. Несмотря на некоторую наивность и даже, с его точки зрения, дурость, принципы у девчонки были.

Так они и поладили.

Эти воспоминания о давних временах, нахлынувшие, когда Ольга шла по академии к кабинету ректора, прервал голосок Павлентия:

— Оль, ты не отказывайся сразу. Ты подумай. Денег попроси. А? Пусть жених сам отказывается. Ежели дурак, то...

Последние слова он буркнул уже еле слышно, себе под нос. Белкина ему нравилась больше, чем местные невесты по контракту.

— Посмотрим.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Ведьма их явно ждала.

Пока фамильяр убалтывал дворничиху, мадам Шиляковская успела привести себя в надлежащий вид и встретила Белкину своим фирменным пронзительным взглядом, под которым обычные воспитанницы академии моментально терялись, пытаясь вспомнить, когда и что сделали не так.

К большой досаде Матильды, корпулентная работница метлы была совершенно уверена, что все делает на совесть, и потому впечатлиться не соизволила.

— Значит, так, Ольга, — начала ректор разговор, даже не предложив Белкиной присесть, — тебе выпала честь войти в состав выпускниц нашей академии, которые будут представлены будущим супругам на зимнем балу. Поскольку ты девушка порядочная и хозяйственная, то думаю, все задания, требуемые для выпуска, выполнишь легко. Не благодари.

— И не собиралась, — пожала плечами Белкина. — Меня вполне устраивает работа дворника, и замуж не пойми за кого я выходить не планирую.

— А остаться без работы? — гневно сверкнув глазами, разъяренной коброй зашипела Матильда. — И без жилья соответственно. Рекомендаций тоже не дам. И кстати, женихи там очень состоятельные и уважаемые. Не будь душой, а хотя... можешь быть.

Мадам встала и заходила по комнате, звонко стуча каблучками изящных туфелек.

— Замуж можешь не выходить. Женихам можешь не нравиться, но! — Она прищелкнула пальцами. — Задания ты обязана выполнить безупречно и на балу быть. Мне репутация заведения дороже, чем какая-то подметалка. Жили и без тебя. Магия, конечно, ценный ресурс, но не всегда же экономить.

Разумеется, ведьма кривила душой, тратить чары для зарядки артефактов уборки ей не хотелось.

— Послушай. Не думаю, что ты, — она ткнула пальчиком в роскошные формы Белкиной, — будешь пользоваться популярностью. Скорее один из женихов решит подождать до следующего года. У аристократов хороший вкус. Они любят изящных артистичных дам. Будь собой, и в твою сторону посмотрят лишь для того, чтобы отойти подальше.

Если женщина пыталась задеть собеседницу, то ей это не удалось. Ольга прекрасно знала, как выглядят выпускницы. Да и про микстурки, что им выдавали, была в курсе от Павлентия. Приезжающих женихов она тоже пару лет изволила украдкой наблюдать. Франтоватые хлыщи ее не привлекали, а вот фраза про деньги, оброненная фамильяром, в голове всплыла.

Угрозы ведьмы были не пустым звуком. Остаться без работы и жилья, имея на руках крайне небольшое количество скопленных денег, было не просто плохо, а еще и небезопасно. Этот мир, населенный не только людьми, но и нелюдьми, ошибок не прощал, причем фатально. В первый раз, при попадании, Ольге повезло, но всегда так продолжаться не могло.

— За работу я получаю плату, — начала она, внимательно наблюдая за реакцией начальницы. — Поскольку контракт невесты я не подписывала и жених мне не нужен, я хочу за выполнение роли выпускницы для лишнего жениха получить денежную компенсацию. И зелья пить не буду, учтите.

Павлентий, почуяв, что над его рыжей головой может опять загроыхать гроза, спрятался под кресло, но, к его удивлению, Матильда лишь рассмеялась.

— Если не выйдешь замуж, получишь компенсацию за труды, — как-то легко согласилась она. — И разумеется, я не собираюсь тратить драгоценные составы на неблагодарную девчонку. Достаточно, чтобы ты выполнила минимум того, что необходимо. Павлентий! Раз уж ты так любишь поболтать о том, о чем не просят, то и вводи ее в курс дела. Форму найти к приезду гостей. Бальное платье заказать. Список испытаний выдать. Ну и помни, что работу лично для тебя никто не отменял.

Матильда с довольной улыбкой голодной акулы кивнула на окно, где за стеклом снова пошел густой пушистый снег.

— Через неделю жду отчет о ваших достижениях. — Она удобно расположилась в кресле и жестом распахнула дверь, показывая, что аудиенция окончена. — Потом получите дополнительные указания.

Взмах — и белку вышвырнуло в коридор, а следом, развернув, вытолкнуло и Белкину. С громким стуком дверь захлопнулась.

Ольга посмотрела на сползшую по стене пушистую тушку и, вздохнув, взяла Павлентия на руки.

— Пошли пока чайку попьем, что ли. Убирать двор сейчас без толку. Вон как валит. У меня пирожки есть. Заодно и расскажешь, во что я с тобой вляпалась. В заданиях-то всяко не двор мести надо будет...

Глава 3. Тесты невесты

Комната, где в академии поселили дворника Белкину, была небольшая. А с учетом габаритов девушки и вовсе каморка, но Ольга умудрилась придать этому пенальчику максимум возможного уюта и комфорта.

В помещении пахло травами и выпечкой. Травами — потому что они в засушенном виде в качестве декора стояли в глиняных горшочках, а некоторые многолетние даже росли, изобравшая комнатные цветы. Про них Белкиной, разумеется, в свое время подсказал фамилльяр ректора, в обмен выпрашивая себе что-нибудь вкусное.

Большую часть комнатушки занимала узкая кровать под лоскутным одеялом и печь в углу сразу у входа. По сути, пройдя мимо печки, посетитель попадал на крошечный квадратик пространства, где с одной стороны как раз находилась кровать, а другую занимал старый шкафчик наподобие буфета. Под окном стоял стол, а вместо стула и заодно одежного шкафа имелся сундук с пристроенной на него плоской, как блинчик, подушкой, антикварной по возрасту.

Надо сказать, неприхотливую Ольгу здесь все устраивало, тем более что из гостей ее посещал лишь в меру компактный по размерам Павлентий.

Вот на тот самый сундук она сейчас и села, после того как достала из шкафчика деревянное блюдо, накрытое полотенцем. На нем у нее лежали ломти экспериментальной для этого мира пахлавыв.

То, что печка в комнате смогла послужить еще и плитой с духовкой, компенсировало, с точки зрения Белкиной, всю тесноту ее служебного жилья.

Павлентий, учуяв знакомые, но в то же время не совсем привычные притягательные запахи, засуетился в ожидании. Пушистый зверек уже расположился на столе, где для него всегда была постелена салфеточка. Порядок и нормы гигиены никто не отменял.

Орехи для кулинарных изысканий Оли он, кстати, пожертвовал из своих личных запасов, а еще помог сговориться на кухне с поваром. Местный повелитель горшков и кастрюль согласился купить нужные продукты по оптовой цене у своих поставщиков в обмен за помощь на кухне. Девуцы-невесты как раз проходили кулинарные курсы, и здоровенный, бритый, как колено, старый орк просто зверел от свиарника, который оставался после их экспериментов.

— Это фто? — с набитым ртом, закатывая глазки-бусинки от восторга, поинтересовался фамилльяр. — А еф-фе будет?

Он с жадноватой грустью проследил, как Белкина тоже откусила взятый с тарелки кусочек.

— Надо бы Угду дать попробовать. Тогда можно и побольше сделать, — предложила Ольга, с интересом наблюдая, как желание все слопать немедленно и ни с кем не делиться неохотно уступает практичности Павлентия.

Бельчонок прекрасно понимал, что если новинка понравится повару, то можно будет выпросить у него кухню на ночь, а может, и не на одну. Тем более что одно из испытаний для невест кулинарное. А уж там духовка огромная, на магических кристаллах, и куча всяких полезных штук, и запас продуктов для уроков, за которые платить не придется. Возможность потом получить гору вкусняшек пересилила сиюминутную жадность.

— М-м-м... — Поколебавшись, Павлентий ткнул лапкой в самый маленький кусок. — Вот если половинку этого отрезать? Ну мы же еще испечем? Угостим потом... наверное...

Когтистые пальчики подцепили и опять потащили в рот очередной жирно-сладкий кусок с ореховой начинкой. Зверек зажмурился, млея от наслаждения. Обычные орехи в мед, которыми торговали на ярмарках, не шли ни в какое сравнение с этим шедевром. В мире, куда занесло, на счастье обжорке, Олю Белкину, орехи в пироги не добавляли, максимум ореховой

крошкой посыпали крем на пирожных. Кстати, халвы, которую девушка любила, здесь тоже не делали.

— Ты бы, Павлуш, уже перестал лопать. Треснешь ведь, обжора пушистый, — чуть поддела Ольга объедающегося фамильяра. — Рассказывать будешь или нет? Зачем мне все это? Что там за жених странный, из-за которого у нашей мадам Матильды так подгорает? И про испытания бы поподробнее. Как я поняла, они самая важная часть. Надо сделать идеально, но при этом чтоб на фоне наших вообразулек художочных выделиться не в лучшую сторону. Да?

Пытаясь прожевать и проглотить, Павлентий закивал, не рискуя сразу ответить. Потом облизнул усики, пригладил пальчиками шерстку на животе и изобразил какой-то замысловатый жест, протянув лапку над стоящей рядом застеленной кроватью.

Плюх... На лоскутное пестренькое покрывало шлепнулись несколько тонких брошюрок, блокнот в кожаном переплете с золочеными уголками и объемный мешок с монограммой академии и номером 13, вышитым на пухлом темно-синем боку серебряными нитками.

— Ну, собственно, вот. Со склада. Тебе же не торжественно все это вручать? И еще вот список испытаний. — В коготках появился листок бумаги. Все же магия в ведьминском фамильяре тоже имела, разве что расходовать ее он мог лишь на выполнение поручений своей хозяйки. — Изучай, пока я завтракаю.

— Мы же с тобой пару часов назад завтракали, — забирая листок и рассматривая богатство на кровати, улыбнулась Белкина.

— Фу и фто! — возмутился пушистый лакомка. — Я вон энергии потратил на все! И шерсть, когда отрастает, знаешь сколько всего требует? Во-от... — И он опять потянулся к блюду.

Ольга почти в последний момент успела спасти кусок для повара и, завернув его в чистую салфетку, спрятать в шкаф.

Читать на языке этого мира попаданка научилась давно, но сейчас текст понимала с трудом, настолько он был вычурно написан. Словно на листе создавали эскиз кружева из петель и завитушек. Понятны были только цифры напротив каждого задания. Всего испытаний было пять.

— Угу. Хм... Приготовить и накрыть стол. Накормить? С ложечки, что ли? — Белкина разбирала текст, бурча себе под нос, пока фамильяр скрупулезно и сосредоточенно подбирал с блюда все до крошечки. — А где ребенка возьмут? И какого возраста? Ничего не понятно. А это что? Павлентий! Какие еще танцы?

Она грозно уставилась на засуетившегося бельчонка.

— Я там, может, еще и стриптиз должна изобразить этим вашим женишкам? Не жирно будет?

— Ну Оль, ну чего ты. Какой там этот... э-э-э. Как ты сказала? Просто сначала все танцуют вместе шольтфокл, а потом каждая выходит на передний план со своей партией. Как бы показывает музыкальность и плавность движений, фигуру демонстрирует. Чего тебе не нравится? На их фоне ты если и просто постоишь, так все только на тебя смотреть и будут.

Белкина представила, как на нее, застывшую статуей под музыку, пялятся чертова дюжина мужиков, а за спиной извиваются местные гурии, ехидно хихикая, и поежилась. Танцевать она, конечно, чуть-чуть умела, дискотека в деревне имела, но все эти топтушки на месте с покачиванием бедрами не шли ни в какое сравнение с изящными па барышень из академии. Так ведь можно провалить испытание и остаться без работы и денег.

— Ну Олечка, ну подумай, — прядал ушами с мохнатыми кисточками объевшийся и потому позитивно настроенный Павлентий. — Ведь что-то ты где-нибудь видела или, может, танцевала? А?

— Угу. Танец робота на Новый год в пятом классе, — пытаюсь понять, что еще за сюрпризы таят испытания, продолжила читать Белкина, отмахиваясь от фамильяра, втянувшего ее в этот сюр с лишним женихом.

— И кстати! — так и не разобрав следующие хитрые завитушки, вдруг заинтересовалась она. — А что там за неучтенный нашей Матильдой жених-то нарисовался? Чего примолк? Ведь его, как я понимаю, мне попытаются всучить как кавалера? Остальных мадам ректор, скорее всего, уже распределила. Она ведь уже настроила своих пташечек-змеечек на конкретных экземпляров?

— Ну-у-у... — Секреты хозяйки на таком уровне фамильяр выдавать не мог, но по его морде было видно, что случайных пар там образоваться не может, а значит, тот самый тип, смешавший ведьме все карты, точно предназначен для Белкиной.

— Понятно. Расскажи все, что можешь рассказать про этого человека. Ректорские тайны мне без надобности. Может, у тебя хоть портретик этого типа где-нибудь заваялся? — попыталась она раздобыть у бельчонка какой-нибудь полезной информации. — Врага, точнее жениха, надо знать в лицо.

По тому, как нервно вздохнул Павлентий, стало понятно: что-то там нечисто. Пушистик опять колданул, выудив откуда-то из подпространства толстенную книжечку, тяжело шмякнувшуюся на стол, прямо на блюдо, и, ловко открыв ее на нужной странице, постучал коготком по чьей-то нарисованной там физиономии.

— Ну вот. Раз просила. Почитай пока. Больше про князя все равно сведений нет. И это... я пошел.

Зверек опрометью метнулся мимо развернувшей к себе книгу попаданки и исчез, хлопнув дверью.

— И что тут с тобой не так? — с любопытством рассматривала Ольга изображение сурового дядечки с волевым небритым подбородком, легкой сединой у висков и жестким взглядом из-под широких бровей. — Да, немолодой, но вполне интересный. К тому же еще и князь. И что тут про тебя пишут, интересно?

Первые же строчки заставили ее похолодеть. Жених человеком как таковым не являлся.

«Спокойно, Белкина, — уговаривала она сама себя. — Не вампир — и ладно. Надеюсь, не покусает. С собачками я всегда ладила. В человеческом-то виде нормальный мужчина. Еще бы понять, может он на этом дурацком балу мехом обрасти или все же только по полнолуниям дичает».

То, что в академию за невестой заявится оборотень, Ольга даже представить себе не могла. Совершенно забыв, что двор не почищен, она углубилась в чтение, понимая, что, кроме нее самой, ей вряд ли кто-то поможет.

В это время фамильяр, отчитываясь перед мадам Пшиляковской, как раз бодро рапортовал о достигнутых успехах:

— Тринадцатой невесте выдан комплект со склада. Учебные пособия, блокнот для пометок, список испытаний и...

Мадам вопросительно приподняла бровь, ожидая продолжения от разогнавшегося в перечислении и не успевшего вовремя прикусить язык бельчонка.

— ...энциклопедия Темнолесья еще. А что? Она на князя посмотреть хотела, — прижал уши, боясь гнева хозяйки, Павлентий.

— И как ей князь? — Ведьме и правда стало интересно, как дворничиха восприняла то, что жених оборотень.

— А я почему знаю? — Рыжий зверь развел лапками. — Вы только выдать все велели, вот я и выдал. Потом ушел сразу, вдруг еще какие поручения для меня будут.

— Ага. То-то от тебя ореховым чем-то несет за версту. Сладким каким-то, но не разберу чем, — хмыкнула Матильда. — Небось удрал потому, что еда закончилась. Ладно, сама узнаю. Миль-Тиль? Покажи мне нашу невесту с метлой.

Хихикающее старушечье личико в активированном зеркале растворилось, и ректор выпучила глаза, пытаясь понять, что происходит.

— Что она делает? Заболела, что ли, или с ума сошла с перепугу? Павлентий?!

Озадаченный фамилляр, которому показали действия Белкиной, тоже ничего объяснить не смог.

А Ольга, всего-навсего решив, что отпугнуть хищника можно лишь нестандартными методами, попыталась вспомнить тот самый танец робота и чуть-чуть порепетировала именно в тот момент, когда любопытная Матильда посмотрела в зеркало.

Глава 4. Сугроб с начинкой

Войтомир Клыкастый уходил от сопровождавших его двуликих волчьим наметом. Лапы несли владыку Темнолесья через заснеженный лес. Он петлял, как заяц, путая следы, чтобы даже не рыпнулись идти за ним, и думал, думал, думал.

Когда и что пошло в его жизни не так? Когда овдовел или, наоборот, когда женился? Что происходит с единственным сыном и почему так рано угасла молодая жена?

Вопросы требовали ответа давно, но за прошедшие годы он так и не приблизился к разгадке.

Сейчас клан, обеспокоенный болезнью единственного наследника княжьего рода, через совет старейшин потребовал у него вновь связать себя узами брака.

— Ты не нашел свою истинную, Войтомир, Уолин ей не была. Значит, имеешь право на второй шанс, а стае нужен здоровый наследник, — увещевал его старый друг покойного отца, глава совета стаи Керганул Куцый Хвост. — За тебя любая пойдет. Только пожелай.

Князь понимал справедливость его слов, но также помнил, что любая — не истинная. Уолин ему сосватали родители. Первая красавица Темнолесья была желтоглазая и веселая, как птичка. Он согласился, не сомневаясь, что они будут счастливы. Думал, любовь придет и они привыкнут друг к другу. Но не вышло. Жена была доброй, хозяйственной, покорной, но ее волчица принимать его зверя не желала. Стоило Уолин обернуться, как она бросалась на мужа, пытаясь перегрызть ему глотку. Семейная жизнь превратилась в пытку. На время примирило супругов одно: волчица понесла. Только вот, родив князю сына, она, боясь навредить ребенку, перестала оборачиваться и потому медленно, но верно угасала. Заставить женщину принять другой облик не смог никто — ни совет, ни князь. Угрозы и посулы не помогали. В чем было дело и почему так вышло, Войтомир не разгадал до сих пор.

И вот теперь князь собрался жениться вновь. Не желая повторить прежнюю ошибку, он обратился к древнему лесному оракулу. К тому же самому выбрать невесту из чьего-то рода, будучи не просто наследником, как тогда, а владыкой, означало вызвать междоусобицы с грызней за власть. До сих пор Войтомир считал предсказания оракула бабскими бреднями и развлечением для молодежи. Да и то, что сказала князю Клыкастому засохшая, черная как смоль древесная дева с растрескавшейся корой, поначалу заставило его усомниться в верности принятого решения. Академия идеальных жен, в которую его послала дриада, обучала невест из человеческих женщин, и, даже положи он к ногам какой-нибудь человечки все сокровища Серой стаи, полюбить она его в зверином обличье вряд ли сможет. А уж то, что женщину примет его волк, и вовсе было немыслимо.

Но пока другого выхода Войтомир не нашел и потому, объявив стае сказанное оракулом, собрался в путь.

В таких раздумьях дорога через лес вывела волка на накатанный тракт, и он на мгновение остановился, чутко насторожив уши. До академии, вокруг которой оборотень княжеских кровей, вопреки всем доводам своей охраны, намеревался поокочачиваться, чтобы разведать обстановку, оставалось всего ничего. Дорога как раз туда и вела из находящегося рядом города, огибая заснеженные заросли орешника вдоль излучины замерзшей реки.

Удрал Войтомир от своих княжьих гридней в обозе не просто так, а потому как считал, что в волчьем обличье сможет что-нибудь разузнать об академии. Официально прибыв женихом, обернуться на территории ведьминского заведения, полного магии, он уже не сможет. Да и пугать зверем нервных человеческих девушек, еще и при соперниках, — выходка так себе для репутации, это не родное Темнолесье.

Здоровенная зверюга помялась, обнюхивая утоптаный снег тракта и размышляя, не рвануть ли напрямки, но, заслышав ржание лошадей и звон колокольчиков, решила не рисковать. Мало ли кто едет, в чужих краях одинокому волку надо быть осторожнее. Серой тенью оборотень исчез в зарослях и, ловко огибая деревья, помчался дальше, периодически увязая в снегу. На прогалинку меж сугробов он выскочил, уже видя над деревьями островерхую крышу башенки академии.

То ли давно вот так не случалось бегать князю по лесу в одиночку, то ли отвлекся, унюхав заячий след, но хитроумную орочью ловушку-хват он не учуял.

Хрясь, хлоп... И мощные челюсти деревянного силка из гибких стволиков, вынырнув из-под снега, обхватили передние лапы, чудом не задев голову и не выбив сучками глаза.

Судя по всему, на того самого зайца, оставившего след, западню и ставили, но попал в нее наш волчок, да еще так неудачно, что выбраться оказалось сложно. Разве что, стачивая зубы, грызть проклятую деревяшку, уподобившись бобру. И ведь было бы дерево как дерево, мощные челюсти вмиг раздробили бы его в щепу, но орки умелые охотники. Гибкие, переплетенные ветви тальзяника, из которых была сплетена ловушка, покрывал слой липкой живицы, смешанной с песком, который мигом бы забил и склеил зверю пасть. Да и в человека обернуться — толку мало. Что может сделать мужчина, если руки зажало в капкане? Правильно. Ничего. Потому как нечем. Еще и кожу без защиты шерсти на кистях раздерет сучьями.

Таким беспомощным, как щенок, неразумный Войтомир себя давно не чувствовал. Если узнают в стае, то позора не оберешься. Придется как-то договариваться с охотником. Откупиться и клятву молчания требовать.

Шаги, приближающиеся к прогалине, где он попался, волк услышал загодя. Судя по голосам, шли двое: женщина и, кажется, ребенок. Только вот шорох поступи был один, как у крупного сложением охотника. Мягкий и плавный, уверенный такой. Оборотень насторожил уши и прислушался к беседе.

— Ну вот зачем тебе каждый раз ветки эти надо? Они потом сыплются, и есть их нельзя. Оль, может, ну их? В лес надо за чем-то полезным ходить. Вкусным, и лучше летом. А мы за еловым лапником по сугробам лезем. Тебе еще с остальными шольтфокл репетировать, чтобы не выбиваться из толпы невест до сольного танца. — Обладатель тонкого цокающего детского голосишка явно был не в восторге от прогулки по лесу.

— Павлинтий, не напоминай! Мне еще тот ваш тренировочный ребенок-голем в кошмарах будет сниться. С чего Матильда взяла, что дети себя ведут именно так и с ними надо сюсюкать мерзким голосочком, чтобы они не ревели? — чуть нервно перебил ноющего мальчика приятный женский голос. — И вообще, мы почти пришли. Вон смотри, как раз снизу ветки пушистые такие. Сейчас срежем несколько и обратно пойдем.

Голоса приближались, и князь Клыкастый настороженно замер. Единственная молоденькая елочка поблизости, у которой пушистые зеленые веточки росли достаточно низко, находилась как раз в локте от его попавшей в силки тушки. И похоже, к ней и направлялись неизвестные путники.

— Ну вот, режь быстрее, — потребовал писклявый голосок. Потом раздался легкий треск, словно на дерево запрыгнул небольшой зверек, и елка внезапно шатнулась, скинув на волчью морду охапку снега с макушки, отчего он невольно фыркнул.

— Фиу... — присвистнуло сверху. — Ого, какого зайца наш Угд поймал. Зеленый будет недоволен. В кастрюлю его не засунешь, не влезет.

Войтомир задрал морду и оскалился. На еловой лапе сидела упитанная рыжая белка и с любопытством рассматривала его черными пуговками глазок.

Обладательница женского голоса сейчас, судя по шорохам, обходила вокруг дерева, и дело принимало для волка скверный оборот. Князь понимал, что говорящая белка может быть только фамильяром ведьмы, а значит, сюда идет хозяйка зверька. Чародейка же мигом опо-

знает оборотня, и о том, что она может потребовать за молчание и освобождение, владыка Темнолесья даже думать не желал.

К его удивлению, вышедшая на прогалину барышня магией и волшеббой не пахла. Это оказалась ладная темноволосая женщина с румянцем во всю щеку, одетая в короткий овечий тулупчик, с ножом в одной руке и только что срезанной хвойной веткой в другой.

— Ой, волк! — сразу опознала она серого зверя и занервничала. — Павлуш, он точно не опасен сейчас? Его эта плетушка из веток крепко держит?

Князь рыкнул, раздражаясь на свою беспомощность, и покосился на острый нож в руке незнакомки. «Надеюсь, эта дамочка не попытается содрать с меня шкуру? Загр-рызу-у-у...»

Он сверкнул глазами и неожиданно почувал, что ведьмовской фамильяр уже спустился с ветки и крутится где-то рядом с его волчьим хвостом. Развернуться с ловушкой не вышло, только впустую дернулся, клацнув пастью, когда ощутил ловкие когтистые пальчики, бесцеремонно дернувшие его за шерсть.

Девушка испуганно вскрикнула, покрепче сжав нож, а нахальный бельчонок вернулся на елку, усевшись практически над макушкой разозленного Войтомира.

«Эй, оборотень, — внезапно раздалось писклявое у волка в голове, — мы тебе не враги. Я волосок выдернул, чтоб с тобой говорить. Понимаю, что тебе обернуться сейчас никак. Учти, кстати, должен будешь».

«Освободите, в долгу не останусь. Перед ней, — князь покосился на настороженную брюнетку, — тебе клясться не буду. Должен фамильяру — долг требует ведьма. Лучше сдохнуть».

«Да по лапам. Договорились, — внезапно легко согласился рыжий комок меха, даже не попытавшись спорить. — Ольга тебя спасет, ей и будешь должен. Тебя ведь князь вперед послал, да? Такого олуха только вперед и высылать. Пропадет — так и искать не будут. Нам бы в свите его серости свой волк не помешал».

Мелкий упитанный нахал тоненько пакостно хихикнул.

Войтомир не был бы владыкой, если бы не умел обуздывать эмоции и, контролируя ситуацию, извлекать из нее максимум пользы. Зачем девушке и ее приятелю нужен кто-то в свите темнолесского владыки, он выяснит позже. Главное сейчас — выбраться из западни.

К счастью, болтливый бельчонок не признал в нем князя, а значит, можно получить свободу и спасти репутацию, оставшись неузнанным.

— Павлуш, ау... — позвала приятеля мявшааяся в стороне девушка. — Ты там что, на волка этого медитируешь? Не спускайся так низко, вон хвост висит как. Вдруг дотянется. Мы же не знаем, сколько он тут лежит. Голодный, наверное.

Она положила на снег ветку и, покопавшись в кармане, достала сверток, завернутый в чистую тряпочку.

— У меня бутерброд есть с сыром. Может, его покормить? Хороший песик... тьфу... волчок. Бутерброд свежий. Будешь? Павлентий, ты с ветки ему можешь поближе скинуть?

— Да запросто. — Фамильяр ловко спустился с дерева и, забрав у Ольги бутерброд, вскарабкался обратно. — Мням... м-м-м... ням-м-м.

— Павлентий! — рассердилась Белкина. — Как тебе не стыдно? Это не тебе. Ты же недавно ел.

— И чего? Волк не голодный. Хочет, чтобы ты его освободила. Обещал не кусаться. Все честно. Так что ему свобода, мне еда, — пожал плечами обжора, облизывая коготки. — Иди вон выковыривай. Угд наш, конечно, за раскуроченную ловушку не похвалит, но серый, может, оленя какого добудет и к академии притащит... — разглагольствовал он на безопасном расстоянии.

Могучего зверя Оле стало жаль, тем более волчище был хорош. Она успела его отлично рассмотреть. Густая серая шерсть с вуалью черного серебра по хребтине, умные, словно все

понимает, глаза цвета спитого чая, мощные лапы и толстенный, как полено, прямой хвост. Красавец, что уж говорить. Придется спасать.

До сей поры рыжий приятель Белкину не подводил, и поэтому она аккуратно, стараясь не делать резких движений, стала приближаться к попавшему в капкан хищнику.

— Не бойся и не злись. Я помочь хочу. — Оказавшись рядом, Ольга склонилась над прижавшим уши от такой близости незнакомки волком. — Я ножиком вот тут попробую разрезать, и тогда ловушка ослабнет. Ты только не дергайся.

Их взоры встретились, и сердце князя всполошенно дернулось пойманной птичкой и забилось быстрее под внимательным и сочувствующим взглядом карих глаз.

Он вдохнул в себя запах ее теплой кожи, овчины тулупа, рук, пахнувших исчезнувшим в прожорливой белке бутербродом, и пропал, почувствовав бережное прикосновение ласковой ладони, аккуратно коснувшейся его меха.

Глава 5. Адские танцы

В академию Ольга с Павлентием возвращались, бурно обсуждая произошедшее. У Белкиной от воспоминаний о пристальном взгляде освобожденного хищника, которым тот ее ода-рил, перед тем как исчезнуть в кустах, мурашки стайками курсировали вдоль позвоночника.

— Вот почему волк на меня так смотрел? — недоумевала она. — Павлуш, а ты уверен, что он не оборотень? Вдруг...

Бельчонок, сидящий у нее на плече, тут же завозмущался, незаметно скрестив когтистые пальчики:

— Да ты что! Уж я бы отличил! К тому же оборотни в волчьей ипостаси тоже говорят. Да это вообще самка была, ее детеныши в логове ждали. Мы вот спасли, и хорошо. А смотрела — может, запоминала. Пойдешь летом за ягодами, и она тебе поможет в благодарность, — отбрехивался Павлентий, надеясь про себя, что спасенный зверь никогда не узнает, что ему вот так запросто сменили пол.

— Ягод наберет, что ли? — фыркнула Ольга, любуясь по дороге свежесрезанными ело-выми веточками. Про цель своего визита в лес Белкина не забыла и новогоднее украшение для своей комнаты прихватить смогла, хотя фамилляр настойчиво просил скорее возвращаться. С ловушкой и волком провозились долго, и Матильда могла разозлиться, если они опоздают на очередную репетицию перед зимним балом.

— Да мало ли, — не поддержал Павлентий иронии Белкиной. — Ты мысли шире. Это зимой тут редко шастают, а летом людно. Кто на охоту и за грибами, ягодами, а кто и разбой-ничать или прятать чего ценное. Тракт-то недалеко, а волк вон какой зубастый. Тоже, может, спасет, добро запомнив.

Ольга очень сомневалась, что зверь и правда придет ей на помощь в случае чего. Все же разбойники всякие поодиночке редко ходят, да и защищать ценой жизни какую-то человечку...

— А как она узнает, что мне помощь нужна? Может, будет на другом краю леса. И ты точно уверен, что это волчица? Мне показалось, что волк. Огромный такой ведь зверюга.

— Оль! Я тебя когда-нибудь обманывал? Ну? Ты вон тоже на фоне наших... — взъеро-шился рыжий пушистик, настаивая на своем. Он, конечно, прекрасно помнил, что было такое, и не раз, но ведь чуть-чуть и для пользы дела. Белкиной знать об этом совсем необязательно.

— Ну-у... Точно как минимум иногда что-то недоговаривал, — попыталась припомнить Ольга, не обижаясь на сравнение с остальными невестами. Чего-то прямо вопиющего про махи-нации бельчонка ей в голову не приходило, и она успокоилась.

Тем более они уже дошли до академии, и вот-вот должна была начаться очередная учеба. При этом для нее самая страшная: танцы.

Кулинарные эксперименты Оля проводила ночью в компании Павлентия, и повар Угд, пробовавший ее творения, заверил ректора, что с испытанием дворничиха справится.

Урок с ребенком-големом Белкиной преподавала приглашенная ведьмой пожилая крик-ливая тетка, с апломбом заявившая, что вынянчила больше аристократической детворы, чем ученица может себе представить. Метод няньки золотых младенцев оказался прост и туп: уго-ждать и сюсюкать, чтобы маленький не капризничал. На взгляд Ольги, это было крайне нера-зумно, но, похоже, потом вельможные родители отдавали детей учителям-гувернерам, так что и пожинать все плоды подобного воспитания доставалось несчастным педагогам.

Не собираясь спорить, Оля посюсюкала голему, пока мерзкий магический человечек не перестал орать, и нянька тоже сказала Матильде, что выпускница Белкина испытание сдаст.

Этикету и сервировке стола ее также учили отдельно. Дали пару уроков манер, выдали две толстые книги, а потом привели какого-то дедулю и богато одетую дамочку, чтобы проверить, как дворничиха справится со светской беседой.

Ольга, не понимая половины того, о чем между собой разговаривала эта явно знакомая парочка, по большей части скромно улыбалась шуткам, отвечала коротко и всеми силами делала вид, что обсуждение неизвестных ей личностей страшно интересно.

В итоге и это испытание, по мнению преподавателей, она должна была пройти с блеском, поскольку вела себя подобающе.

С пресловутыми же танцами дела обстояли гораздо хуже. На них наша начинающая невеста Белкина должна была явиться в форме академии в бальный зал, где ее, помимо учителя танцев и Матильды, ожидали еще ничего не подозревающие остальные двенадцать невест.

Так что еще на этапе переодевания в форму Оля выкинула из головы серого хищника. Сейчас же, понимая, что опаздывает, мчалась по коридору вслед за подгоняющей ее белкой, придерживая неудобную пышную юбку с фижмами. Корсет, хоть и был по размеру, с непривычки давил немилосердно, грудь пыталась выскочить из декольте, как колобки из печки, а туфли на тонких шпильках скользили по паркету.

— Павля, я сейчас или рухну, или каблук сломаю, — задыхаясь, бурчала она, преодолевая очередной поворот коридора.

— Не сломаешь, они зачарованные. Быстрее давай. Матильда с меня и так три шкуры спустит. Не надо было в лес ходить.

— Зато волчицу спасли.

— Да Угд бы спас позже, если что. — Фамильяру своя шкура была дороже, чем волчья и даже оборотничья. — Он всегда вечером ловушки проверяет после ужина. Быстрее давай, уже почти пришли.

В зал они влетели, хлопнув дверями, как раз тогда, когда похожий на кузнечика изящный полуэльф уже выстроил барышень в некое подобие двух шеренг и поднял руку, чтобы начать очередную репетицию.

На дворника в платье выпускницы уставилась вся дюжина невест и сам ушастый танцор, открыв рот и выпучив глаза, как рыбки в ожидании червячка.

— Простите, чуть-чуть опоздала. Работа сама себя не сделает, — обратилась Белкина к Матильде, изобразив на раскрасневшемся лице полную безмятежность, будто все так и было задумано.

Ведьмочка оценила.

— Забыла всех предупредить, — ласково мурлыкнула она сытой кошкой, одним взглядом прервав шушуканья воспитаниц и не дав чувствительному танцору хлопнуться в притворный обморок при виде пышущей здоровьем Ольги. — Это наша тринадцатая выпускница Ольга Белкина. К нам приезжает тринадцать женихов.

— Но она же дворник, — пискнула неосмотрительно какая-то девица с заднего ряда, думая, что ее не вычислят.

— А ты, Фурда Монжек, дочь городской прачки, — надменно процедила мадам, мгновенно оказавшись рядом с посмевавшейся что-то ляпнуть нахалкой. — Может, кто-то хочет еще что-то сказать? Обсудить мое решение? А?! Кстати, думаю, что мисс Монжек будет открывать испытание с танцами. Нет, все испытания она будет проходить первая.

Судя по тому, как позеленела и так бледная и тощая, на Ольгин взгляд, дочь прачки, это было страшнейшее из наказаний.

Потом уже Белкина узнала от фамильяра, что первым прежде всего быть жутко из-за того, что большая ответственность и риск облажаться, а еще если не покажешь чего-то фееричного, то тебя просто не вспомнят на фоне остальных.

Пока же наша невеста разглядывала учителя, который нарезал вокруг нее круги, как голодная акула, осматривая со всех сторон. Казалось, еще кружочек — и этот балетный недокормыш вцепится ей в бок, как в сдобную булку.

— Мадам, — наконец чудо танцевальной педагогики перестало сверлить ее взглядом и с недоумением оглянулось на ведьму, поставив подвыщипанные бровки домиком, — но у нас уже построен рисунок танца и выработана синхронность движений. Это же все менять! К тому же... э... мисс Белкина весьма выбивается из... — Не в состоянии подобрать слова, педагог беспомощно развел руками. — И совершенно нет времени ставить сольную партию!

Упастый кузнечик явно был в отчаянии от поставленной ему непосильной задачи.

— Сольную партию не надо. Ольга с ней сама прекрасно справится, а вот с остальным разбирайтесь как хотите, — отрезала ведьма. — Вам за работу хорошо платят, работайте.

Платили полуэльфу Шмулиэлю Лиртузиэлю, видимо, и правда немало.

Кузнечик оказался тем еще тираном и сатрапом. Гонял он Белкину и остальных двенадцать невест часа три, визжа, как резаный подсвинок, и иногда даже немелодично ругаясь на какой-то смеси из орочье-эльфийско-человеческого диалекта так, что Матильда делала ему замечания, а танцующие институтки краснели.

Ольга чувствовала себя как корова на льду, только летом, потому как в корсете и юбках ужарела она от таких танцев в момент. Вроде ходи себе из стороны в сторону, поводи руками плавно да разворачивайся когда надо. Но если повторяешь все по стопятидесяти раз под вопли, то начинаешь путать ноги, право и лево, сталкиваешься с другими девушками с фатальными для их равновесия последствиями...

В общем, из зала Белкина выползла еле живая, и еще повезло, что тренировка закончилась. Если бы одна девица в танце не налетела на дворничиху, а потом, отпружинив от пышных форм и пытаясь удержать равновесие, не наступила шпилькой на ногу вошедшему в раж Шмулиэлю, то, скорее всего, Ольга там пала бы трупом.

Вроде и привыкла она к физическим нагрузкам, снег-то убирать да мести тоже сил много надо, но шмулиэльские танцы были просто издевательством, с ее личной точки зрения.

— Олечка, плохо, да? — сквозь шум в ушах услышала она рядом сочувствующий голосок Павлентия.

Матильда осталась лечить пострадавшего хромоногого танцора, и фамильяр тут же улизнул за подругой.

— Пойдем в кухню. У Угда есть отварчики хорошие, он поможет, — предложил бельчонок, надеясь, конечно, заодно разжиться едой для себя. — До кухни ближе, чем к тебе идти. Пойдем, а, Оль?

Аргумент «до кухни ближе» стал решающим, поскольку несчастной Белкиной хотелось сесть на пол прямо тут, в коридоре. А лучше лечь.

— Пошли. И про ловушку скажем, — вспомнила она собственноручно раскуроченную с помощью ножа конструкцию хитрого капкана старого орка.

— Ага, — пришлось согласиться Павлентию. — Только давай он нам сначала все даст. Ну... тебе полечиться. А потом мы уже расскажем. Я сам расскажу.

Ольга настолько устала, что ей было все равно. Она еле брела на гудящих ногах в сторону кухни. Проклятущие шпильки Белкина, конечно, сразу же стащила и теперь несла их в руках.

В мысли сейчас совершенно нехотать опять лезла картина с лесным хищником, внимательно смотрящим на нее светящимися желтыми глазами.

Сам же спасенный и, к его облегчению, не узнанный белкой-фамильяром князь уже в человеческом облике ехал в карете, окруженный охраной. На руках красными полосами остались следы от деревянных тисков, но это было полбеды. День — и они исчезнут. А вот манящий запах незнакомой девушки и ее бережные руки, касающиеся волчьей шкуры, из мыслей владыки Темнолесья исчезать не хотели.

«Она точно не невеста из академии, — рассуждал он, обдумывая свою нечаянную встречу с последствиями. — Их не выпускают за территорию. Скорее всего, какая-то служанка при ведьме. К тому же считает, что просто спасла лесного зверя. Что я не волк, знает только рыжий фамильяр. Приеду — разберусь. Оракул говорила лишь про академию, не про невест. Это я решил, что выпускница, не ведьма же... Главное, чтоб сразу не догадалась, что я тот волк».

Размышляя, мужчина и представить себе не мог, что пушистая белка умудрилась, завравшись, сменить ему пол. Так что догадаться о чем-то сразу Ольга Белкина вряд ли смогла бы.

Глава 6. Пыльные мешки жизни

Старый Угд совершенно не ожидал, что к нему в кухню вот так, как аморфная амеба, держась за стену и еле переставляя ноги, зайдет обычно энергичная дворничиха.

Ольга вместе с вездесущим фамильяром ректора заскакивала к орку часто. С тех пор, как они крупно поскандалили и она буквально отбила у разъяренного повара рыжего обжору, налопавшегося печенья так, что не смог убежать. Угд догнал Павлентия на улице, прохиндей сумел выбраться в окно, но, утратив обычную шустрость из-за чрезмерно набитого пуза, доковылял по траве только до ближайшей дорожки.

Выслушивая угрозы стать шапкой, бельчонок, пойманный орком за хвост, испуганно заверещал, и вот тут-то повару прилетело метлой. Разъяренная крупная и, с точки зрения бывшего степного воина, просто роскошная девушка в этом заведении бледных жеманных немочей впечатлила его своим владением уборочным инструментом.

Угд, конечно, пропустил только первый удар, попавший по хребтине. Нападения повар не ожидал, а потом уже лишь уворачивался, выслушивая обвинения красотки, со свистом махающей метлой, которая велела ему перестать мучить бедненького Павлентия.

Так они тогда и познакомились. Фамильяра Ольга пожурила за воровство и пообещала бельчонку иногда его кормить, а орку — помочь с выпечкой, как только закончит работу. Слово свое она сдержала, и старик, расчувствовавшись, даже пообещал научить ее владению боевой секирой.

— Твои лопата и метла тоже сойдут за оружие, мало ли что, — наставлял ее он. — Пригодится. В жизни-то бывает разное.

Уже имевшая горький опыт, предшествовавший попаданию, Белкина не могла с ним не согласиться.

Опыт звали Аркадий Демичев, и был он единственным сыном приютившего ее и давшего работу Виктора Петровича.

Мир, как говорится, не без «добрых» людей, и сыночек, едва узнал, что к отцу въехала какая-то дамочка, вмиг примчался качать права.

Чего только Оля тогда не наслушалась от взрослого мужчины, брызжущего слюной. В отличие от старшего Демичева, опрятного, подтянутого и сохранившего военную выправку, несмотря на инвалидность, младший, разменявший тогда третий десяток, выглядел не лучшим образом. Обрюзгший, с презрительно искривившимися губами, он, даже не разобравшись в ситуации, орал, чтобы она немедленно убиралась. Топал в гостиную ногами прямо в обуви, оставляя на светлом ковре неопрятные темные пятна, и обзывал Белкину так, что девушке казалось, будто грязь с пола чернотой стремится замарать ее душу.

Тогда отец выставил сына вон, впрочем громко и четко заверив при свидетелях, что она, Оля, на квартиру не претендует.

После ухода Аркадия Виктор Петрович похлопотал, чтобы Белкина получила место дворника с комнаткой в коммуналке на первом этаже, там же и прописалась.

Привыкшей рано вставать, когда трудилась на ферме, Ольге работа была не в тягость, да и деньги не лишние. Тем более свой угол, хоть и в коммуналке, тоже выглядел, по ее меркам, роскошью в ее-то положении.

Младший Демичев появлялся еще несколько раз. Подкарауливал и, говоря гадости, пытался распускать руки, но Белкина тогда как раз прибирала двор и отходила похотливого мерзавца, не ожидавшего отпора, метлой на потеху жильцам, высунувшимся на визг подвыпившего Аркадия.

Какое-то время было спокойно. Жили они с дядей Витей душа в душу. Пенсионер к девушке привык, звал племяншкой и всегда старался научить чему-то полезному, сокрушаясь, что сына-то вот в свое время упустил.

— Гниловатый человечек вышел из Аркашки, — качал он головой. — Ты на-ко вот, запиши, если что, телефончики-то. Помру когда, так чтоб худа не вышло. Разок помогут по старой памяти, а там как-то держись сама.

Разговоры такие Белкина не любила и думать о плохом не хотела. Только время текло неумолимо, и прихватило-таки сердечко у крепкого на вид пенсионера.

В больницу на скорой его доставили, а дальше, проверив документы Ольги, ее выставили вон.

— Вы ему никто. Вон по паспорту сын указан, он пусть и навещает. Племянница — родня дальняя, в документах нигде не отражается. — Строгий врач, сняв очки, устало потер глаза. — Идите, девушка. У меня работы много.

Ну и, конечно, Аркадию сообщили.

Что у того есть ключи от квартиры, Белкина понятия не имела. Оставаться в доме до выздоровления Виктора Петровича она не собиралась и сразу же съехала в комнатку. Только вот привычки забегать и наводить порядок не бросила. Вернется же Демичев, и все должно блестеть, как он любит, чтобы ни следа пыли.

Подлые люди — они еще и изобретательные. Униженный на глазах всего двора Аркадий план свой вынашивал давно, следил и успел обзавестись поделеньками, такими же гнилыми человеческими существами с убогими душонками. Пообещал им развлечение.

Ольге тогдашняя осень насыпала много. Казалось, деревья по всей округе вознамерились раздеться за один день, и она мела бесконечно в думах о том, как там старший Демичев и хорошо ли за ним досматривают в больнице. Позвонить хоть по одному из оставленных стариком номеров Белкина не догадалась. Жив ведь Виктор Петрович, вернется, как подлечат.

В тот вечер и подкараулил ее гад с приятелями. И как умудрились зайти неслышно. Видать, осторожничали, да и обувь была на резиновой подошве. Оля как раз, нагнувшись, мыла пол в комнате старика, напевая себе под нос.

— Ого, какая корма! — Незнакомый пьяный голос с похотливыми интонациями заставил ее быстро разогнуться и выставить перед собой грязную тряпку как бутафорский щит.

Троица нетрезвых мерзавцев во главе с глумливо скалящимся Аркадием наслаждалась ее растерянностью и испугом. Перегородив вход, они радостно обсуждали ее достоинства и что каждый намерен вытворить с поддержки дружков прямо на кровати отсутствующего хозяина квартиры.

Отступать можно было только к окну, на балкон, в надежде, что там криком удастся привлечь внимание соседей. Время хоть и было позднее, но собачники выгуливали питомцев, из секций и кружков возвращалась молодежь, кто-то мог выйти до еще не закрытого ближайшего магазина.

Напали они как-то синхронно, как шакалы. Сообразили, что она метит к балкону. Белкина отбивалась, кусалась и почти вырвалась, поскольку каждому из распаленных похотью тварей хотелось оказаться первым и облапать наиболее привлекательные места. Ее кулак достиг цели, попав по носу Аркадия, и он хрустнул, брызнув кровавой юшкой. Мужик взвыл и ударил в ответ, гундосо матерясь и прижимая вторую руку к поврежденному органу.

Два поделенька на мгновение растерялись, ослабив хватку, и Ольга от удара завалилась на стоящее в углу трюмо, покрытое темной тканью, которую Виктор Петрович велел никогда не снимать.

— Прабабкино, — говорил он девушке. — В мистику я не верю, деточка. Но иногда думаю, что оно из моей Нины жизнь выпило. Жена всегда его боялась. Хотя ничего я в нем не видел никогда. Зеркало как зеркало.

В попытке удержаться пальцы Белкиной хватанули ткань, сдернув ее, а вторая рука падающей девушки, измазанная кровью из носа Демичева-младшего, попала по темной, как вода в пруду, зеркальной поверхности. Почему-то там вместо отражения, впитывая капли крови, проступил лес, и сознание Ольги померкло, словно ее выключили из розетки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.